

БРАТЧИНА

На туманном и стылом закате в памяти Елизара Калашникова ожило далекое, говорливое, хмельное студенческое застолье на морском валуне... Под белесым, безоблачным небом призрачно серебрилась рябь рукотворного ангарского моря, белела опаленная солнцем бетонная дамба, где чайками посиживали купальщики и купальщицы, где заморская певчая ватага «Бони М» надрывала луженые глотки: «Варваррра жарит кууур!..» Скользили на водных лыжах парни и девицы, вспахивая море, оставляя долгие борозды, пенистыми бурунами бегущие к берегу; и плыла вдоль берега, красуясь и похваляясь, белоснежная крейсерская яхта с белыми парусами; а на палубе люди в белом ублажались музыкой: отчаянно голосил ...о ту пору уже устаревший... итальянский парнишка Робертино Лоретти: «Чья ма-а-а-айка?.. Чья ма-а-а-айка?..» Деревенские мужики, недолюбливая Никиту Хрущева, почитая тогдашнего главу государства за бестолочь, посмеивались: де, ловко Никита песню перевел: «Чья майка?..Чья майка?..»

Истекали хмельным соком спелые семидесятые годы... Счастливые – хоть и начитались до одури, но свалили, не завалили сессию, – гулевые студенты-литераторы пировали у рукотворного моря, отыскав поляну, воистину выпивальную, утаенную от слепящего солнца и гомонящего пляжа: глухим и тенистым плетнем обнесли поляну кусты боярки и черемухи, и море голубело сквозь узкий просвет, словно ветром отпахнулась калитка; а посреди поляны – старое костровище с тремя сухими валёжинами, что неведомо как и очутились на безлесном, морском берегу. Над боярышником, правда, торчала статуя Ильича с голубями на лысине; статуя неодобрительно косилась на пьющих комсомольцев, но, ерники, лишь посмеялись над Ильичом, вспомнили: катишь на троллейбусе через плотину, и перед управлением ГЭС есть место, откуда Ильич выглядит похабно... Помянув пару анекдотов про Ильича, пять добрых молодцев, азартно потирая руки, оглядели поляну: есть на что сесть – валёжины, а на чем пить?.. тут же волоком и катом втащили на угор плоский валун, ловко угнездили на старом костровище, –

столешня, постелили газетки, накроили хлеба, холодца и ливерной колбасы, чтоб занюхать, выставили дешевенькое пойло: «Листопад», портвейн «777» в большой и темной, «противотанковой» бутылке, и «Агдам», по прозвищу «Я те дам!...». И вдруг выяснилось: забыли в общаге граненные стаканы, а коль пить из горла дурно ...худобедно, пятикурсники, не мелюзга... отыскивали возле пустых лежбищ и стоянок жестяные банки, отшоркали песочком, омыли морской водой, голышами сплющили края и водрузили на каменную столешню. Палевая ржа крапила жесть, края банок, словно мыши грызли, но ...при буйном воображении... вроде, серебряные чары с золотым крапом ублажили стол.

Сели на валёжины, похожие на кости мамонта, омытые дождями, опаленные зноем до серебристого свечения; сгуртились у первобытного стола и не столь пили, сколь языками молотили ...благо, без костей... словно цепями снопы колотили, и не доброго зерна намолотили, – напылили: думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов. Обвыклись в университете языками брякать, привадились, полуночники, в общаге лясы точить вечерами и ночами, а уж в застолье, как ныне, хлебом не корми, дай почесать языком.

К худу ли, добру ли, Бог весть, но, слово за слово, и студенты – вроде ярые интернационалисты, завтрашние коммунисты, – вдруг ощутили, что за каменным столом сбился разноплеменный суглан : Тумэнбаяр – монгол прозываемый Баяром, что кичился европейским образованием, – три года учился в Белграде, а когда Югославия побранилась с Монголией, монгольские студенты рванули в Россию, и Баяр очутился в Иркутске; Арсалан Хамаганов – бурят из древнего племени хориидов; Елизар Калашников – великорус из староверческого кореня; Тарас Продайвода – малорус или червонорус; Егор Коляда – белорус, прозывающий себя на белорусский лад Ягором. Застольный интернационал гуще бы замесился, ежели бы на выпивальной поляне очутились и прочие друзья Елизара: Давид Шолом – коренной иркутянин, выходец из еврейского купечества, разбогатевшего на винных откупах; Болеслав Черский – из польского села, до коего от Иркутска рукой подать; Ваня Кунц – германец из немецкого села в Казахстане, куда его родичей вначале войны ...от греха пдальше, абы к фрицам не метнулись... Сталин вытурил из Поволжья в казахские степи; Фарид Мухамедшин – татарин из приангарского татарского села, хвастливо толкующий: де, вас, русских, поскребешь, нашего брата татарина отскребешь («и монгола...» – добавлял Баяр); Тимофей Нива – орусевший финн, обливаясь хмельными слезами, доказывающий, что он финский барон Тойво Ниву, у его деда барское поместье с рыцарским замком, на что приятели, ведая, что Тимоха – детдомовский выкормыш, согласно и почтительно кивали головами.

В друзьях, что испуганно и жадно косились на воинственную батарею бутылок, мало выжило племенных и родовых примет: если у степняков, монголов и бурят, да и у русских казаков ...испоконных... ноги гнулись дугой, извечно приспособленные к верховой езде, словно приросшие к лошадиным бокам, то у

потомков, – оглобли, затянутые штаны, узкие в ляжках, ниже колен расклешенные; к сему, Арсалан – рыхлый, барственно вальяжный, в серой футболке и линялых американских джинсах, а Баяр – сутулый, тощий, близорукий, укрывший глаза толстыми, черными очками, словно конскими шорами, в черном вельветовом пиджаке, при галстукке и портфеле, вроде давая понять, что он отпрыск монгольского дарги, что, народившись, вместо соски и пустышки не сосал бараний курдюк, подобно чадам кочевых чабанов, пасущих овец в степи. Червонорус Продайвода, коротко стриженный, за воловью силу позаочь величаемый Амбалом, белорус Ягор Коляда, тонкий и звонкий, словно тростник на ветру, с каштановой гривой до плеч, обликом уже мало походили на древних славян; за долгие века выветрилось синеокое, русое славянское, к родовыми стволам привились хазарские, турецкие, арабские ветви, порождая смуглые плоды. Походил бы на исконного славянина Елизар, белокудрый, светлоглазый, но... – шибко уж невзрачный: комлистый, малорослый, косопятый, с большей, словно с чужого плеча, ушастой головой, похожей на кочан капусты. Хотя белый русак и малый русак скудно сберегли русачьего в духе и нраве, но в застолье вдруг вспомнили родную мову...

Широко сидя на валёжине, словно на киевском княжьем престоле, вольно отмахнув крылистые плечи, Тарас Продайвода окликнул застольников:

– Голодранцы усіх країн сгопайтєсь до купы! – и когда други чинно расселись на валёжины, по-хозяйски оглядел напитки-наедки вздохнул: воистину, голодранцы – холодец из бычьих костей, ливерная колбаса и «бормотуха»; эдакое пойло не пить, им заборы крыть, крыс травить.

– А сала німа, и галушек німа... – подсказал Ягор Коляда.

– Но и бульбы не зрю, и белорусских драников... У кацапов же в гостях... – Тарас сболтнул лишка, спохватился и, вознеся рыжую банку, словно турий рог в серебряной опояске, сладкопевно возгласил. – И рече киевский князь Володимир: «На Руси есть веселие быти, не может без него быти»... Ну, что, братья славяне и чада степей, сдвинем заздравные кубки за други своя, за народы російстєя!..

Продайвода, не глядя на юные лета, походил нынче на Тараса Бульбу, вольготно и вальяжно сидящего в полковничьем седле, на гнедом, могучем жеребце; еще бы сивый оседелец, свисающий с бритой головы, да усы подковой, – вылитый батько Тарас, казак запорожский, оборонявший Русь от басурман и ляхов. Гарній хлопец смахивал и на Остапа, Бульбина сына; а сидящий рядом Ягор, – вроде, Андрій, сладострастный брат Остапа, обменявший Русь на лукавую полячку.

Други чокнулись банками жестяно и глухо, словно в общаге из боязни гневливой и ворчливой комендантши; выпили братчинные чары и азартным ором сгремели застольную:

Коза давала молока бидон,
А у бидона был двойной зажим,
А как напьемся,
Так лежмя лежим!..

Между первой и второй – промежутки небольшой, пуля не просвистит: снова выпили и загомонили, словно куры на жердевых насестах. Елизар, хвалясь ученостью, помянув древлеотеческое поучение:

– Не реку непити: не буди то! Но реку не упиватися в пьянство злое. Я дара Божия – вина – не похую, но похую тех, кои пьют без воздержания. Речено: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы Царства Божия не наследят, – Елизар, чтущий русское средневековье, изрек поучение и домыслил. – К сему, паря, в братчинных-то пирах и крепилась дружба. А без дружбы, в народе баяли, народ – дикий огород, заросший дурнопьяною травой... – Елизарова ученость не поборола сельский говор, коим он, юродиво кося под деревенского дурня, щеголял, судача с коренными горожанами или учеными мужами.

* * *

Книгочеи с отрочества, а ныне студенты университета ...со дня на день ввинтят в лацканы «поплавки»... вольно ли, невольно повели ученую беседу о братстве народов, и в один голос пропели: де, Сибирь, да и вся матушка Россия, – летний луг в радужном свечении тихих и ярких цветов, – народные эпосы в их древней мудрости и красе, – а посему долг верного сына России ...запомнили, что Тумэнбаяр из Монголии... приложить все творческие силы для процветания Отечества, дабы многонациональное российское поле не обратилось в страну дураков, в мертвенно серый полигон, взъерошенный ракетами.

Елизар ...потом вышло, на свою шею... помянул: де, Федор Достоевский, славянофил-почвенник, в гениальной речи на открытии памятника Пушкину, изрек истину, усадив западников задницей в лужу: писатель, художник лишь тогда всемирный, когда узко национальный; лишь народной самобытностью художник интересен миру, поучителен и назидателен.

Други не пустили в душу мысли Достоевского о русской народности в искусстве, им ближе питерские западники, плевавшие на русскую народность с Эйфелевой башни, но парни сочли: не грех выпить и за Федора Михайловича, – душевед, мистик, в Европе и Японии нарасхват; да и мужик свой, любил азартные

игры, а парни, бывало, ночи напролет дулись в карты, из кармана в карман пересыпая медь и серебро. Позапрошлую зиму Елизар, помнится, неделю резался в карты, и, махнув рукой на лекции, из общаги носа не казал, – морозы же, но, когда продул стипендию, зарекся. Вот и Федор Михайлович, прости ему Господи, играя в рулетку, случилось, всё имение спускал до нитки, у богача Тургенева клянчил деньги, что не мешало костерить благодетеля: «Может быть, Вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, эта злорадность, с которой я Вам описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбляли. Но, ей Богу, я не в силах; он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне все равно, хотя со своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на всю Россию от русского изменника... Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, еще четыре года назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходит единственно от неуспеха "Дыма" и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие, и это тем пакостнее...». Впрочем, ранее Тургенев вкупе с Некрасовым прилюдно осмеяли Федора Михайловича в похабном стишке: «Витязь горестной фигуры, Достоевский, милый пыщ, на носу литературы рдеешь ты, как новый прыщ...»

Лет через семь, одолев аспирантуру и защитив ученую степень, доцент Елизар Калашников, обороняя Достоевского от западников, сбивчиво, обиженно, словно унизили и оскорбили отца родного, оглашал студентам идею русской народности, коя не в лаптях и кислых щах, не в серпе и квасе ... хотя и се добро... но в исконной русской любви к Вышнему и ближнему, ко Святой Руси. А лет через двадцать светило филологии Елизар Лазаревич Калашников уже толково проповедовал народность в русском искусстве: «После братоубийственной сечи, когда самозваная нерусь и русская нежить, искусив вседозволенной волей обезбоженных бар, разночинцев и пролетариат, воцарилась в Кремле и побивала иереев, архиереев, рушила православные храмы, ернически осмеивала русские обычаи, обряды, понятие народности в искусстве было «выброшено с корабля современности»... Но явился Сталин, и очнулся народ от безверия и безродности, одыбал, и заголосил, было, о русской народности в искусстве, но... свалилась на грешные головы хрущевская оттепель, и заткнула рты кукурузными початками. Всплеснулись народные души в брежневскую эпоху, и всплески навечно замерли в сияющих творениях, но... по грехам опять попустил Господь: Землю Русскую, уже и не державную, не имперскую, словно смрадным, серным дымом из преисподней, заволокло сребролюбием и сладострастием. Мое поколение – поколение смуты и прозрения – запоздало поймет, как Запад, выигравший у России «холодную войну», обвел вокруг пальца русскую интеллигенцию: диссидентов соблазнил «вседозволенной волей», «почвенников» искусил ностальгией по деревенской и старгородской Руси, по нетронутой дикой красе лесов, полей и озер. Искусив и одолев Россию, вручил Запад русской колонии «вседозволенную волю» – пейте,

пойте и пляшите, бесово отродье, на отеческих костях, в русском Кремле, как на ведьмовском шабаше. От «вседозволенной воли» – заросшие дурно-пьяной травой колхозные пашни, беспросветно нищая деревня, кокетливые старокрестьянские избы в музее под открытым небом, и пригородные пашни, выпасы и покосы, на корню скупленные варнаками, по коим горько плакала тюрьма...»

Но се случится на ветреном и стылом перевале веков, ныне же, в затишье, Арсалан вспомнил:

– Великий казахский поэт Алжас Сулейменов сказал: «Серая раса – сволочи...»

Елизар смутно, неосмысленно, уже в тихие семидесятые чуял грядущее лихо, спустя годы облачив бывшее предчувствие в словесную ткань: «Укутает землю кровавый мрак, если человечество пожрет черный демон окаянного безродства; гибельно для мира, если «серой расой» в жажде царства и наживы, в расовом помрачении души и разума явятся шинкари, всеу обменявшие богоизбранность на похоти мира сего. У «серой расы» – черный поводырь, что кровожадным стервятником кружит над землей, искушая художобожии народы, сталкивая в межнациональной и междоусобной кровавой брани...»

– Негодяи, не помнящие родства, – Ягор согласно кивнул Арсалану.

В лад им Елизар напыщенно изрёк:

– Не имеющий народности, не имеет нравственных законов. Так-то вот, господа старики...

– Да які они к бісу чоловіки?! – роботы, – Тарас махнул рукой в сторону купальщиков и купальщиц, где наяривал транзистор, и гулёны из «Бони М» пели: «Хочешь потолкаться, детка?...»

На исходе века профессор Калашников будет внушать студентам: «В эпоху дьявольскую глобализма и космополитизма обережение национальной культуры – не ради этнического сплочения и национального выживания а, перво-наперво, чтобы грядущие поколения не выкинули на историческую свалку народные идеалы совести и братчины, кои веками свято оберегались, лелеялись в душах, в обычаях и обрядах всякого народа, пусть не в буржуйском содоме, а в мудром простонародье. Без идеалов миру не выжить, как не выжить без солнца, когда смрадная, клубящаяся тьма покроеет землю...»

– Тарас, они не роботы, – Ягор глянул в сторону пляжа, где горожане купались и загорали под любострастные вопли «Бони М»: «I love you!..», – нет, старики, они – быдло: пьют, жуют, плодятся... Чем они отличаются от африканских дикарей?! Анекдот слышал: два африканца окончили МГИМО, укатили в джунгли. Один стал министром просвещения, другой президентом племени. И вот министр

просвещения пишет бледнолицему приятелю в Россию. «...Ваня, у нас беда: президент, с которым мы учились в Москве, упал с кокосовой пальмы и сломал хвост...»

Елизар поморщился: смутило высокомерие, словно на гнилом древе с ржавой банкой сидел не белорус, а белокурая бестия со свастикой на рукаве, отроческим румянцем на щеке и демоническим пламенем в безумном взоре.

* * *

И пестом и крестом братья студенты отбивались от безродства окаянного, но... слово за слово, малорус и белорус вдруг попрекнули русских в насильственной русификации народов Российской, потом Советской Империи, и Арсалан согласно кивнул косматой головой.

Еще не высохли на хмельных устах славословия Державе Российской, – дубовый ковчег, где малые народы спасаются от вселенского дракона, пожирающего вольные племена с их угожьями; уже и на Святую Русь разъявил пасть клыкастую, истекающую кровавой пеной, смердяще пахнущую преисподней; и часа не прошло, хвалили други Россию, коя обороняла братушек от хищных турецких ятаганов, коя на стертом и сбитом русском горбу выгатила малые народы из языческого сумрака к свету горнему, а вот уже и – злобный мировой жандарм, страна рабов и дураков, а в Европе и Америке – рай земной.

Елизар помянул Пушкина:

– Ты просвещением свой разум осветил, ты правды чистый лик увидел. И нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел...

Други не поняли, с какого бока-припёка Елизар Пушкина приплел, ибо не чуяли: скорбел Александр Сергеевич, глядя на порожденную Петром русскую образованщину, коя либо брезгливо косилась на смердов, либо, хуже того, обезбоживая, искушая земной волей и сытой долей, ввергала смердов в кровавую смуту, в лютую тьму преисподней, где огонь, сера, вопли и скрежет зубовный.

Вот и ныне... Скоро, скоро недоумки запоют: «Я буду плакать и смеяться, когда усядусь в мерседес... Американ-бой, возьми меня с собой...» Русский народ обезбожился и пал на мутной и кровавой заре двадцатого века, но, Бог даст, вырвется из блудного плена и тлена, вновь облечется во Христа и просияет в подлунном мире, о чем пророчили Божии угодники; а западные народы давно уж померли, янки же и вовсе не родились.

Ягор вдруг вспомнил:

– Византийская империя ...кстати, многонациональная... процветала десять столетий, а Российская – всего два века, и не процветала, а прозябала во тьме и нищете. Но и Византийская империя рухнула, когда греки ...титульный народ... потянули на себя одеяло, посеяли межнациональную рознь. Империя ослабла, турки ее полонили, и захлебнулась Византия в крови... Вот и русские, вроде греков...

– Вы чо, паря, рехнулись?! Белены объелись?! Вас что, пыльным мешком из-за угла?! – возмутился Елизар, но растолмачить, что напраслину возводят на русский народ, не смог – бойкого ума не хватало, а посему братья-славяне, обнявшись с чадом степи, в жарком споре уложили русака на лопатки. Елизар даже застыдился, что русский, но еще бормотал. – Какая на фиг русификация?! Может, бурятиязация?.. Русский фольклор читает доцент Баирма Бадмаевна, хотя кандидатскую и докторскую защищала по бурятским улигерам, а старославянский – профессор Зорикто Мункоевич, да еще и на лекциях похвальноется: на международной конференции по старославянскому языку победил славянских ученых... Ладно, мужики, пусть была русификация малых народов, – вроде согласился Елизар, – но если бы не русификация, если бы не блистательные русские переводы, кто бы знал азиатских писателей?! Знали бы в аулах, кишлаках и аймаках... Благодаря русским на весь мир прозвучали Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Дондок Улзытуев... и несть им числа...

Елизар споткнулся, узрев: никто его, поверженного, не слушает; вялая вышла оборона, курам на смех, лишь раззадорила друзей-недрузей. Елизар вопрошающе взгляделся в друзей... ладно, Арсалан: сибирские народы таят обиды на русских, – вроде, нежданно-незванно явились в их земли, вломились в их угожья; хотя что Арсалану до родной земли, коли, англоман с пеленок, спит и видит себя в туманной Британии?! С Арсаланом ясно: сколь волка не корми, вечно в лес смотрит, но чего вздыбились русские братья?! Елизар и белорусов, и малорусов почитал за русских. Да-а-а, русы, вы, похожи на болгаров: сколь русские спасали братушек от змеистой турецкой сабли, столь братушки русских и предавали. Оно, вроде, и грех винить западных славян: не предавая русских ...братушки вырешили... им не выжить под гнетом соседних держав, кои спят и видят погибель русскую, молятся о погибели русской денно и ночью... Но в Елизаровом селе, поминая эдаких славян, мужик плюнул бы через левое плечо, где анчутка беспятый, и матюгнулся: де, не братушки, а чушки... А что уж говорить о польской шляхте, коя страшится духа русского, словно бес ладана. Как ни крути, ни верти, одна надежда – малые и белые русаки да сербы...

Тарас, вроде добывая Елизара, лежащего на лопатках, прочел из Шевченко, который вдруг окрысился на русских, обзывая москалями и кацапами:

– «Ляхи були — усе взяли, кров повипивали, а москалі і світ Божий в путо закували... Москалики, що заздріли, то все очухрали. Могили вже розривають та грошей шукають...

Вольно разумелся малорусский говор, и скудоумец бы смекнул: камень кобзаря – в русский огород; но Елизар молча сглотил русскую обиду: нечем крыть брехню, не подвернулось козыря. А лет бы через десять, выведав рокивину опального кобзаря, поскорбел: эх, братец ты наш единокровный, в гайдамаки обрядился, науськала тебя польская шляхта, ненавидящая Русь, вот и плел, словно ивовые корчаги, небылицы про сивую кобылицу, чем и отблагодарил русских: выкупили тебя, холопа, выручили тебя, раба подъяремного, а иначе до седых волос жил бы казачком у пана, спяливал бы с пьяного барина жупан, стягивал пропотевшие, пыльные сапоги; русские же, выкупив тебя, голого батрака, выучили в Академии, восславили, как поэта и художника; и не русские, кобзарь, загнали тебя в могилу, не солдатская служба, где ты воынил, а пьянство увалило тебя в гроб; да и солдатчину ты схлопотал не за вольнодумство, не за украинофильство, а за похабный и дерзкий стишок против императрицы: «Цариця небога, мов опеньок засушений, тонка, довгонога, та ще на лихо, сердешнее, хита головою...»; а рисовать тебе, хитрец, запрещали потому, что при обыске шукали и нашукали альбом со похабными рисунками, и в справке Третьего отделения так и звучало: «рисовал неблагопристойные картинки».

Плеснул масла в огонь и Ягор, прихильник Тарасов:

– Тургенев, западник, в пух и прах разнес русофилов, а заодно и Достоевского... Дурни, молились на русский народ, как на икону. Богоносцы, мать вашу за ногу... На пьяниц и лодырей молились, на дураков молились; в сказках: Иванушка-дурачок на печи валяется, дурью мается; палец об палец не ударит, а ждет: манная крупа с неба свалится...

– Манна небесная, – поправил Тарас.

– Я и говорю: манка... А если и робили, то как рабы подъяремные...

– Пьяницы, лодыри?! – Елизар выпучил глаза, в которых полыхал гнев. – Пьяницы, лодыри создали Великую Российскую империю?... Да?... А перед духовной мощью Империи мир трепетал!..

– Однахам, Раднахам, будет драхам, – засмеялся Арсалан, глядя на двух взъерошенных петухов; вот так же, поди, веселились скуластые ордынцы, глядя, как бранились русские князья, а у холопов... не чубы трещали, буйны головы слетали.

Елизар спорил до хрипоты, задыхаясь от гнева, размахивая руками, брызгая слюной; и усмешливо косились на него братья-славяне, что и спорили-то не из любви к роду-племени, не ради правды; спорили забавы ради, дразнили горячего и заполошного Елизара.

– Русские – пахари, каких свет не видывал. А Емелюшки, Иванушки – блаженные, почти святые, которым на Руси храмы...

Ягор, вроде, не сдавался, смеха ради задорил Елизара:

– В Европе – цивилизация, у русских – кислые щи и вонючие лапти... Кстати, Достоевский же и вспоминал: «...Тургенев говорил... мы должны ползать перед немцами... есть одна общая всем дорога и неминуемая — цивилизация и все попытки русизма и самостоятельности — свинство и глупость...»

– В Иркутске было сорок храмов, в столице сорок сороков, и все – памятники зодчества... Тоже рабы, лодыри и пьяницы возводили?!

– Храмы... – и Тарас снова навалился на кацапа. – Так царизму и выгодно было строить храмы, чтобы рабы молились и не брыкались... Лучше бы рабочим и крестьянам приличное жильё строили...

Ох, как братья-славяне сейчас были похожи на Чекистова!.. Если бы, Елизар, прочтя, вызубрил и знал назубок «Страну негодяев» Сергея Есенина, то напомнил бы братушкам и чадам степей странную беседу Чекистова с Замарашкиным: «Чекистов: – Нет бездарней и лицемерней, чем ваш русский равнинный мужик!.. То ли дело Европа! Там тебе не вот эти хаты, которым, как глупым курам, головы нужно давно под топор...» Замарашкин: – «Слушай, Чекистов!.. С каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и чёрт с тобой, что ты жил за границей...» «Чекистов: – «Ха-ха! Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей. Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет, потому что... потому что хочу в уборную, а уборных в России нет. Станный и смешной вы народ! Жили весь век свой нищими и строили храмы Божии... Да я б их давным-давно перестроил в места отхожие...»

Тарасу надоела перебранка, и он щедро плеснул в ржавые банки багрового «Агдама».

– Ну, что, хлопцы, увьпьем уводки, як гутарили древнегреческие римляне...

– Если бы водки да с томатным соком – «Кровавая Мери»... Пьем клопомор, краску, заборы красить... – сморщился Арсалан.

– ...Пили за Достоевского, выпьем за Некрасова, чокнемся за Тургенева...

– Верно, что чокнемся, – остывая, проворчал Елизар.

Баяр, насмешливо глядя на братьев славян, что ополчились на русака-сибиряка, напомнил: из-за княжеской усобицы мои предки и полонили Русь. Елизар, смалу памятливым, узрел, услышал древнее, долетевшее из ковыльной степи эхом сабельного звона и шипения стрел, эхом воплей и предсмертных стонов, эхом

вороньего грая и бабьего плача: «...Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе деляче... А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуше на Рускую землю... Чръна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровию поляна: тугою въздоша по Руской земли... Уныша цветы жалобою, и древо с тугою къ земли преклонилось... Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки!..» «Эх, миру бы мирово, – вздохнул Елизар, – не ратиться бы миру, не умирать бы малым чадам в адских муках, не выть бы по-волчьи вдовам, а чтобы... тугой лук — коромыслице, калёны стрелы — веретеница...»

Лишь спустя годы, Елизар памятьвым оком вдумчиво взгляделся в братьев-славян, с коими протирал штаны на университетских лавках, на дружеских пирушках братался, бранился и вновь обнимался; взглядевшись же, запоздало смекнул: одного поля ягода – западенцы – окатоличены и ополячены, русских не любят. Не случайно же Тараса вытурили из Киевского университета и сослали в Сибирь. Хитрецы ...в старину, художники... малевали лубочные картинки в киевском кафе, и Тарас подсоблял, вроде казачка на побегушках, а через неделю зоркое око узрело в размалеванных хлопцах Стефана Бандеру и Романа Шухевича, что верховодили в Организация украинских националистов (ОУН) . Тарас в пьяных застольях смехом поминал: «Мужик один, фронтовик, пригляделся и бачит: «Дюже личат, вылитый Стефан Андрийович и Роман Йосипович... – и заорал старый дурак. – Бандера – це ублюдок, якого треба було спалити як Жанну д'Арк в місці з його близькими! Україна не для фашистів і нацистів! смерть Бандерам і їх прихильникам! Росія вас нагне!.. Трошки терпіння, і отримаєте по заслугах, гайдамаки хренови!..» Долго орал – выжил из ума старый дурак ...» Похоже, Тарас умолчал, что зазвучало в его западенской душе: Бандера и Шухевич, – герои, кровь проливали за Украину незалежную, вольную от москалей. Похоже, для Тараса и Ягора русская земля – чужбина, а чужбина, яко домовина.

Братья славяне и гордый сын степей, оборов русака и забыв мимолетную брань, заливали байки: изгалялись над Брежневым, что царил о ту пору, – вроде, дурак дураком, измывались над верховной властью и госбезопасностью, поносили Сталина, гробокопатели, и ржали над русским Иваном, – дубина стоеросовая, над чукчей Степаном, – и того дурней; смеялись над страной дураков, с завистливым вздохом, взглядываясь в морское марево, словно высматривая за прибрежным хребтом вожделенный буржуйский рай с джинсами из морской парусины или «чертовой кожи», с джином и ромом, сигаретами «мальборо» и дешевыми, портовыми шляхами. Парни поскорбели: что не взяли Шолома, в загашнике которого, словно злые осы, роились хлесткие анекдоты; и, бывало, на переменах, в сизой от дыма курилке, словно в пьяном кружале, Давид Шолом махнет рукой: «Старики, есть свежий анекдот про жидов... Помирает Сара Абрамовна, а сынок ее Мойша сидит в ногах, поджидает; и вот лежит Сара Абрамовна, глядит в окошко, а за окошком – рябина, а на рябине – синичка... «Синичка...» – шепчет старуха, а

сыннок строго: «Мамо, не отвлекайтесь...» Студенты, что, разиня рты, сбились возле Шолома, надсаживают животы от хохота... Нынче же Тарас травил байки.

– Брежнев шаркает по Третьяковке... Глядит на Врубеля – «Царевна-лебедь»... Причиндалы шепчут: «Врубель...» – дальше Тарас противно шамкает, причмокивает, изображая старого правителя. – В рубль?.. Красивая картина, и так дешево: в рубль...» Проходит мимо колонны, где зеркало. «Это еще что за чучело?..» «Зеркало...» – опять шепчут причиндалы. «А-а-а, Тарковский «Зеркало», знаю, знаю...»

Канет век, Елизар помянет былых друзей и подивится: ладно, Арсалан – в британском бреду, брезгливо живущий в царстве глупцов; ладно Ягор – любодейный стихотворец, богема, без Бога и царя в кучерявой башке, но Тарас – румяный комсомольский вождь, вечный комиссар студенческого строительного отряда, в партию вступил на третьем курсе, в речах громил Европу и Америку, что посеяли «холодную войну» против Советского Союза, и... по заугольям травил анекдоты против советской власти, и, выходит, был тайным прихильником врагов Империи. Все смешалось в хитромудрой душе Тараса... Но ведь Елизар тоже слушал поганые байки, где позорился родной народ, и от хохота по полу катался, хотя любил Россию, как родную мать, почитал власть, гордился госбезопасностью, по-сыновьи чтил Брежнева: худо-бедно, с благословения властелина в русское искусство вошли лапотные мужики; и не под конвоем, как пролетарии после кровавой смуты, а по зову песенной души. В искусство мужики входили робко, боясь кирзачами поцарапать помещичий паркет; смущенно косились на академиков, но с годами осмелели, и, воспевая мужика и бабу от серпа и молота, воспевая хлебородную ниву и доменную печь, явили миру творения слова, живописи и музыки, не уступающие произведениям дворянским. В поле русского искусства взросло и заматерело древо простолюдной жизни, с кореньями, кои вспоила, взласкала мать-сыра-земля, с величавой кроной, осиянной крестьянским солнцем. О сем, запоздало осмыслив, и писал литератор Калашников, но то случится после, ныне же...

* * *

Юный Елизар не вмещал в страстную и суетную душу святую миссию русских, избранных Богом, спастись и спасти мир от гибели вечной; лишь через десять лет молодой, да ранний, высоколобый ученый Елизар Калашников, поминая историю государства Российского, яро бранясь с учеными-западниками, изложит в сочинении: «По злой мировой воле ...а мировому супостату православный русский народ, яко ладан для князя тьмы и смерти... свершалась не русификация –

навязывание малым народам русского духа и русского языка, – а насильственная русскоязычная космополитизация, да исподволь – англоязычная. И русские пострадали страшнее, чем малые народы, коль русская поросль не ведает народных обычаев и обрядов, коль утратила любомудрую народную речь, и песен старинных не поет. Но то лишь цветочки-лепесточки трепыхались на лихом ветру, волчьи ягоды вызрели после, когда со вселенским громом рухнула Народная Империя, и, нежить, воцарившая в Кремле, погребла русский мир, для почина запретив народные песни; и блатной хрип, похотливые куплеты, лицедейские байки, англоязычные вопли помоями захлестнули русскую землю. Воспевая западное мертвотушение, просвещенцы ...вырожденцы!.. испокон веку из русских жестоко выбивали русское, словно жизнь из ворога; и безбожная большевистская власть в сем преуспела; сталинская, вроде, очнулась от окаянного безродства, дала русскому народу поблажку, а в брежневские времена простолюдье явило миру творческую мощь, но и «пятая колонна» не дремала, после смерти миротворца ухитила власть, и космополитизация, набрав бешеную англоязычную силу, почти сокрушила народ...»

Мудрая мысль приходит опосля; ныне же Елизар лишь виновато склонил голову долу: верно, русские угробили малые народы, но, мол, повинную голову топор не сечет.

Лет через десять Елизар, постигая русский мир, развенчал бы малоруса, белоруса и сына степей, поведав русскую роковину... Как в домостройной семье, русскому народу Бог даровал судьбу старшего брата, коего родители не балуют, но смалу, словно тягловых лошадей, впрягают в сани и дровни, а другим народам – судьбу младших либо хворых братьев, коих родители ...имперская власть... жалеют, холят и нежат. Басурмане сыто посмеивались в холеные бороды: Ванька-дурак – голодный, холодный, порты в заплатках, сапоги каши просят, но... с ракетой, а ракета не для власти и наживы, как у штатовских американцев, но ради мира и благочестия, ради процветания народов.

Простец, не вспоивши, не вскормивши, ворога на хребет не наскребет; или еще судачили: испил пива да тестя в рыло, а приевши пироги, тещу в кулаки... Инославец, откромившись, презрительно плюнет в русскую спину: «Русак-дурак...»; а упаси Бог, занедужит русский медведь, набегут шакалы, вчера подобострастно вилявшие хвостами, ныне рвущие шкуру. Обидится русский, поплачется, но, оклемавшись, зла не помнящий, снова да ладом ублажает, примиряет, дабы жили народы мира в любовном ладу, в неге и холе. И что мы, русские, за народ такой, коль и герой — Иванушка блаженный, который лишь для того и явился на белый свет, чтобы, туго затянув кушак на тощем брюхе, перебиваясь с хлеба на квас, бродить по миру и, не жалея живота, оборонять слабых, спасать бедолажных, утирать слезы страждущим, подавать милостыню голодающим?! А в старину еще и спасать для жизни вечной, крестя и облакая во

Христа. В каком еще народе столь юродивых во Христе, коим солнечно сияют и закатоно пылают купола церквей, коль весь русский род после Крещения юродивый?! Где столь блаженных, не умеющих жить мудростью дольней, но жаждущих мудрости горней?! Ну, поди, не вечны дураки да юродивые, а уж как поумнеют русские, за свое именование ухватятся, вот уж забедует, запоет Лазаря земной шар: перегрызутся народы, яко псы, демоном натравленные друг на друга; некому будет спасать, оборонять, и мировой Молох пожрёт мир.

Колотясь лбом в степь ковыльную, в мерзлоту вечную, в таежные мхи, малым народам, яко на икону, молиться бы на русских, кои на своем хребте, сбитом до крови, выволокли малых братьев из феодальной тьмы к мировой цивилизации.

Канет четверть века, грамотеи, властители-растлители русских умов, очарованные западом, отвадят и народ жить по-божески, по-русски, и падет народная власть, и на землях бывлой Российской Империи азиатские народы, колотя в шаманские бубны, с безумными воплями станут русских, веками живущих бок о бок, унижать, оскорблять, побивать, изгонять с земель отичей и дедичей. Елизар, сострадая братьям и сестрам, осмыслит то, о чем спорил на студенческой пирушке, о чем толковал в лекциях, и обнарудует имперские мысли в сибирском альманахе «Созвездие дружбы», который создал по благословению губернской власти. Когда малая толика тиража вышла в свет, загудели, словно осиные гнезда, ложи малых народов; взвыли украинцы, белорусы, поляки, прибалты, бесчисленные азиаты, обитающие в Иркутске: «...сам!.. редактор!.. – русский националист!.. сам!.. редактор!.. сеет межнациональную рознь...» Губернская власть, опрометчиво доверившись остепененному ученому, не предвидела русофильской статьи Калашникова, схватилась за голову, стала утешать и ублажать малые народы: мол, горе-редактор, с треском вылетит. Позвонил чиновник из ведомства, кое следило за межнациональными трениями, поскорбел:

– Я согласен с твоими мыслями, Елизар, но ты, брат, совершил ошибку: ты, редактор межнационального альманаха, печатаешь крамольные мысли о малых народах в передовой статье... Альманах же – не простой... народов Восточной Сибири. Эх, если бы поставил статью в полемическом разделе...»

Позже позвонила чиновница из ведомства, радеющая за альманах:

– Елизар Лазаревич, скоро губернская конференция по межнациональным и межконфессиональным отношениям, и мы думали вручить участникам «Созвездие дружбы». Не пропадать же тиражу... Но Ваша передовая статья... – чиновница задумалась, как помягче выразить мысль, но, ничего путного не выдумав, сказала прямо. – Вы не против, если мы Вашу статью вырежем?.. Три листа, легко удаляются...

Елизар, вообразив, сколь нервотрепки доставил замордованной чиновнице, вяло махнул рукой:

– Делайте, что угодно...

И случилось же, в журналистскую шатию-братию, освещающую сабантуй малых народов, угодила Елизарова дочь, пославшая записку по мобильному телефону: «Папа негодяи вырезали твою статью из альманаха сейчас Новаку дам в морду катит бочку на тебя...» Елизар невольно засмеялся, живо вообразив, как дочь, махоня с задорно курносым носом, пытается зашить долговязого и горделивого Исаака Новака, почтенного сибирского ученого, чистейшего поляка, что похаживал в синагогу и костел.

* * *

Ученые беседы притомили и для полного счастья Арсалан – англoman, мелoman, битломан – врубил портативный магнитофон, и ватага «битлов», от коих сходил с ума мир ...безумный, безумный, безумный мир... любострастно запела:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much it makes you sorry
Still you don't regret a single day
Ah, girl, girl, girl

– Арсалан, ты великий мелoman, битломан, англoman, переведи нам, диким: о чем битлы стонут?.. от похоти?.. от наркотиков? – съязвил Елизар, коего миновала повальная зараза студенческой поросли – пристрастие к модным англоязычным песням. Елизар в отрочестве и юности любил лишь народные песни, любил до слез, ликующих и опечаленных, и за народную песню, как народную душу, мог глотку перегрызть насмешнику.

Арсалан, высокомерно и снисходительно оглядев деревенского валенка, перевел песню, похоже зная на зубок вольное переложение на русский язык:

Кто подскажет, как мне быть и что мне делать с нею.
Я влюбился, на свою беду!
Не жалею ни о чем, и обо всем жалею,

а уйду – и вовсе пропаду...
Ах, девушка, девушка, девушка...

Когда Арсалан по-русски поведал песню, Елизар фыркнул, разочарованно покачал головой:

– И от такой муры битломаны дуреют?! «Жили у бабуси два веселых гуся...»
– и то мудрёнее...

Ухом не поведа в сторону Елизара ...дикарь... Арсалан толковал песню:

– Глубокий вдох в припеве символизировал либо тяжелое сладострастное дыхание, либо долгую затяжку. Битлы пристрастились к марихуане, и стали ловко вставлять в свои песни намеки на наркотики. Партию бэк-вокала исполняли Пол Маккартни и Джордж Харрисон, ритмично напевая один и тот же слог. Они должны были петь "dit-dit-dit-dit", но ради шутки спели "tit-tit-tit-tit", что по-английски – сиська...

– Я не понимаю молодежь... – старчески проворчал неумный Елизар. – А ты кто, дед? – усмехнулся Тарас.

– Не понимаю, как они слушают... тех же битлов, если в английском дуб дубом. Вроде нас... дикарей, – насмешливо глянул на Арсалана.

– Вроде, вас, – уточнил тот.

– Сенька, бери мяч, – так в устах Елизара, якобы, на аглицкий лад, прозвучала благодарность Арсалану. – А давайте, братцы, споем русскую народную...

– Русскую народную, блатную, хороводную... Зачем русскую?! Можно и белорусскую, – Ягор подгрел гитару, покрутил колки, побреньчал и, томно укрыв глаза долгими ресницами, взыграл и запел:

Вы шуміце, шуміце
Надамною бярозы,
Кальшыце люляйце
Свой напеў векавы.
А я лягу прылягу
Край гасцінца старога,
На духмяным пракосе
Недаспелай травы...

– Егор, дай-ка мне, гитару, – попросил охмелевший и осмелевший Елизар, и, несуразно брэнча, вдруг на диво компании затянул по-латыни:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!
Vivat Academia!
Vivant professores!
Pereat tristitia,
Pereant dolores!
Pereat diabolus,
Quivis antiburschius
Atque irrisores!

Парни слушали латынь, вытаращив глаза от удивления – ...и когда, подлец, вызубрил песнопение древних студентов?! – потом Ягор протянул руку:

– Ну, ты!.. бурсак латинский, верни-ка мой инструмент, – взяв гитару, проворчал. – Не умеешь играть, не мути воду... Лучше споем-ка, братцы, из вагантов, – и громко запел, ернически подражая Давиду Тухманову, модному о ту пору:

Во французской стороне,
На чужой планете,
Предстоит учиться мне
В университете.
Вот стою, держу весло,
Через миг отчалою.
Сердце бедное свело
Скорбью и печалью...

Бражка, утомленная латынью, ожила, загорланила; Арсалан всплескивал ладонями, Елизар колотил банкой в порожнюю бутылку, Тарас бил ладонями в тугое брюхо, словно в бубен, даже сумрачный Баяр повеселел, хлопая в колени.

Тихо плещется вода,
Голубая лента.
Вспоминайте иногда
Вашего студента

Верю, день придет, когда
Свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
Если те профессора,
Что студентов учат,
Горемыку школяра
Насмерть не замучат,
Если насмерть не упьюсь
На хмельной пирушке,
Обязательно вернусь
К вам, друзья, подружки!

* * *

Пригубляли чаши за здравие, вершили за упокой... Охмелевший ...может, на старые дрожжи плеснул винца... помрачневший, Арсалан, обиженно глядя на Елизара, неожиданно изрѣк:

– Я знаю, что ты сейчас думаешь.

– О-о-о, старик, ты уже мысли читаешь... И что я думаю?

– Ты думаешь, что я – бурят...

Елизар в недоумении уставился на Арсалана, не уместая в душе его обиду, и все удивленно затихли. А Баяр, глядя сквозь черные очки, усмехнулся:

– Я – монгол, и горжусь, что я монгол. Монголы полмира покорили...

– Наш однокурсник Давид Шолом – еврей, так ему что, вешаться?.. топиться?.. – спросил Ягор, отложив сладкострунную.

– Зачем вешаться? – усмехнулся Тарас. – Монголы полмира покорили, а жиди – мир. Монголы – кривыми саблями, жиди – хитростью... Ну, бурят да бурят, я – хохол, Елизар – москаль...

– Хохлы сожгли родную хату, куда теперь пойти буряту... – ни к селу, ни к городу вставил Елизар ходовую в семидесятые годы, потешную и, казалось бы, глупую присказку; но кто мог провидеть: канет полвека без малого супостаты сунут малорусам огниво, и те, як малые дурковатые детины, запалят Украину.

– Иди, Арсалан, искупайся, – посоветовал Ягор. – Полегчает...

– Айда, братцы, купаться! – Елизар резво вскочил с валёжины, оголился до синих семейных трусов и, как в деревенском детстве, вприпрыжку поскакал к морю. За боярышником, ивняком и черемушником отпахнулся берег; на седых, опаленных зноем, топких песках загорали обнаженные горожане, а на теплой, словно парное молоко, тинистой отмели плескались ребятишки, иные без трусов, и матери, бабки поглядывали, покрикивали на чадушек. Елизару привиделась деревня: серебристые дощатые мостки, далеко забредающие в озеро, сонное, ленивое, зеленоватое на мели; и он, малый, бесштаный, купается у берега; а мать, полоща белье с мостков, нет-нет да и, заслоняясь ладошкой от слепящего солнца, кричит обычное, деревенское: «Зарька, вылазь на берег!.. Опять в глубь полез!.. Утонешь, паразит, домой не приходи...»

Елизар, обойдя шумные семейные таборы, миновал трех девиц, распластанных на песке, искоса позарился, и в знойном мираже вдруг померещилась Дарима, возлюбленная из бурятского аймака: губы – капризно изогнутые лепестки саранки, щеки – степные зори, и тело, украшенное голубым купальником, – смуглая, расцветная степь, плавно изогнутая увалами, что светятся сиреневыми, голубоватыми цветами ая-ганга .

Покоем и блаженством дышало июньское море; призрачно синели далекие байкальские хребты; белели, словно снежные гольцы, башенные дома предместья Солнечного; слепяще сверкали на солнце чайки; летели, горделиво задрав носы, моторные лодки с гомонящими ватагами, и белой павой, вальяжно вихляя игривой кормой, плыла вдоль берега заморская яхта; а с палубы плыла, и, вливаясь в чайный плач, плескалась над тихим морем любострастная японская песня. Вслушиваясь в пение, умиляясь детскости японского звучания, Елизар брел по отмели и невольно подпевал сестрам Дза Пинац на русском языке.

...Смотрю на залив и ничуть не жаль,
Что вновь корабли уплывают вдаль.
Плывут корабли, но в любой дали
Не найти им счастливей любви.
А над морем над ласковым морем
Мчатся чайки дорогой прямою,
И сладким кажется на берегу
Поцелуй соленых губ...

Забредя по горло, затылком чуя взгляды девиц, загорающих на песке, Елизар, похваляясь, плавал и кролем, и брассом, и селезнем нырял, подолгу кружа среди изумрудных водорослей, распугивая серебристые сорожки стайки. Донырялся – в голове зазвенело, и когда отпыхался, узрел, как из черемушника вылетели два

степных орла в плавках – матерый Тарас и гибкий Ягор. Зорким и хищным, ястребиным оком окинули хлопцы пляж, высматривая дзяучын, словно жертвенных коз, и вскоре уселись подле трех девиц, перед коими Елизар только что выхвалялся. Пареньки искушаются глазами, дивчины – ушами, и вообразил Елизар, как гарні хлопцы соблазняют – по-уличному, снимают – купальщиц-загоральщиц: Тарас, парубок денежный, сманивает в кабак, Ягор, томно опушая глаза по-девичьи долгими, темными ресницами, искушает избранницу любовным стихом, вроде: «...Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, сядем в копны свежие под соседний стог. Зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет. Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» – и, заманивая, покажет Ягор на густые черемушники и боярышники, и дзяучина, охмелевшая от любодейных речей, от зеленоватых, кошачьих очей, в сладостных чарах готова, вроде, не токмо в кусты, а и на край света.

Кажется, девицы, заболтанные, очарованные хлопцами, согласились посетить выпивальную поляну, украсить мальчишник, но сперва решили искупаться, остудить жар, палящий душу. Ребята и девчата дружно забрели в море; но ...увидел Елизар... Ягор, торопыга, стал лапать дивчину ...у хлопца просто: раз, и на матрас... и дивчина, развернувшись, угостила горе-ухажера гулкой пощечиной.

Что случилось дальше, Елизар не видел, уплыл за мыс, поближе к плотине ГЭС, и, когда чертыхаясь на скользких камнях, затянутых зеленой тиной, выбирался на берег, вдруг оторопел: на сокровенной поляне, под разлапистой ивой, священник ...светло-серый подрясник, на русой гриве фиолетовая, бархатная скуфья... яко простой смерд, ивовым сучком бодрил тихий костерок, варил чай в закопченном котелке, жарил окуней, нанизанных на тальниковые рожна; а рядом на пикейном покрывале возле чайных чашек сидела матушка с малыми ребятами, словно курица с цыплятами. Елизар, грешным делом, лишь в кино да на картинках видел поповские семейства: поп – толоконный лоб, поперек себя шире, в двери не пролазит; матушка – квашня кичливая, бранливая, и чадушки – пышные оладушки. А здесь батюшка – сухой, русобородый, перепоясанный широким ремнем с золотистой бляхой, – воистину воин Христов; матушка – худенькая, светленькая, а трое ребят-дошколят, – подсолнушки с васильковыми очами.

Елизару хотелось потолковать с батюшкой о том, о чем болела душа, о чем бранился в кочевом застолье с недругами-другами; хотелось, но не хватило смелости... Лишь на рубеже веков Елизар снова встретит батюшку и, сдружившись, спросит то, о чем шумели бурсаки на морском берегу; и батюшка, седовласый настоятель иркутского храма, Елизаров духовник, побожившись, перекрестившись, ответит:

– В Писании же как?.. Для Бога нет ни эллина, ни иудея, но... Господь же возлюбил евреев, избрал евреев и вочеловечился среди евреев... Поскольку все народы бесам жряху – язычники, бесам поклонялись, а евреи – Богу истинному,

Иегове. Но, хотя Бог и возвысил евреев над человеками, не смогли иудеи устоять перед похотями мира сего: и золотому тельцу поклонялись, и пророков убивали, и Сына Божия распяли... И тогда Господь избрал русский народ, возлюбил, и русские понесли Бога, чтобы спасти обезбоженный мир... И, как предрекал Серафим Саровский, православные славяне сольются в единое царство под грозную и святую русскую руку ...

Но Елизар услышит заздравную русским, прожив полвека и ...воистину промысел Божий... встретив батюшку из полузабытой, бурсацкой юности; ныне же Елизар, скользя на камнях, падая, с горем пополам выбрался на берег, поковылял мимо поповского семейства, и, минуя батюшку, глянул, и взгляды их сошлись, замерли...

* * *

Синеватые, теплые сумерки выстоялись над морем; и пареньки запалили костерок, наломав сухих ивовых сучьев. Разлили остатки-сладки, и ...попала шлея под хвост... Ягор возгласил:

– Есть идея...

– Идея лебедей? – поинтересовался Тарас.

– Нет, идея без лебедей. Рожденный пить любить не может... Короче, есть идея: а не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

Застолье дружно возопило: «Послать!..», и тут же кинули на пальцах, гонцом вышел Баяр... на радость приятелям: не надо сбрасываться по рублю, у Баяра денег, как у вахлака махорки. Но убоявшись хулиганов ...отберут деньги у близорукого и тщедушного Баяра... послали и Тараса – косая сажень в плечах. Когда гонцы вернулись, да не с бутылочкой винца, с двумя «Столичными», когда выпили, охмелели, Тарас неожиданно кинулся на Елизара:

– А ты, Елизар, случай, не из жидив?

– С какого боку-припёку?

– Имя еврейское, отчество еврейское – Елизар Лазаревич...

– А-а-а, вон оно что... – и тут Елизар, на диво сокурсников читавший Библию, растолмачил. – Про бедного Лазаря даже пионеры знают... Древнееврейское имя – Елеазар; значит: Бог помог... В Ветхом Завете – третий сын Аарона, получивший священство. Крякнули два старших брата, не оставили наследников, вот к Елеазару

и отошло первосвященство, и утвердилось за его родом... А в Новом Завете Елиуд родил Елеазара...

– Мужик родил? – подивился Ягор.

– Темный ты, паря, как зимняя ночь... Так говорили древние евреи... Не перебивай... Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос...

– Во, во, во... – со злорадным восторгом огласил Тарас, – я и бачу, что ты из жидив.

– Глянь на меня: ты видел русее?

– Ну и что?! – Ягор подоспел на помощь к Тарасу. – Исконные евреи из древних израильских родов – тоже русые. Это хазарские жиды с азиатчиной...

– Смуглые – сефарды, – неожиданно уточнил Арсалан, – выходцы из арабских, испанских, индийских земель, а европейские – ашкенази, те светлые...

– Во, во, светлые, – согласно кивал Тарас, сокрушенно и сострадательно глядя на несчастного Елизара. – Так что, Елизар... Опять же, старик, имя у тебя – Елеазар...

– Дался вам, Елеазар. Да у меня брат – Исай, сестра – Устинья, дед – Лазарь, бабка...

– Ясно море, – пожал плечами Тарас, – ты же в семье не один еврей.

– Какие евреи?! По материнской линии мы вышли из староверов, а у староверов сплошь библейские имена. Дикие вы люди... Был даже русский святой Елеазар Анзерский...

– Тоже, поди, из евреев.

– ...в Соловецком монастыре основал Свято-Троицкий Анзерский Скит...

– Значит, выкрест, – не унимался Тарас.

– От народец, а! – засмеялся Елизар. – Если в кране нет воды, значит выпили жиды. Да?.. И чего вы на евреев окрысились?! Богоизбранный народ... Сам Бог в еврейском народе воплотился. Апостолы... А сколь великих из еврейства вышло?! Верно служили России, прославили Россию... Темь...

– Угробили они вашу Россию. Тьфу! – досадливо сплюнул Ягор.

– Почему вашу? Ты же – русский.

– Я – не русский, я – бялорус.

– Во, во, русс... Да ты, бялый русс, может, русее великоруса. Как и малый рус... Хотя... для Бога несть ни эллина, ни иудея...

– А при чем здесь Бог?!

Очнулся от хмельной дрёмы мрачный монгол:

– Чингисхана свято чтит Монголия, как великого полководца, завоевавшего полмира, как создателя Великой Монгольской Империи...

– ...И жестоко вырезавшего полмира, залившего кровью и слезами полмира, – вставил Елизар. – Даже и монгольскую племенную элиту вырезал, не жалея детей, стариков и старух...

– Ханы веками сеяли смуту, и реками лилась монгольская кровь. Чтобы остановить кровь, сплотить монголов в Империю, нужно было вырезать племенную и родовую элиту... Что у русских сотворил Иван Грозный, и создал Царство Русское. Но в Монголии-то Чингисхана высоко чтут – национальный герой, а почему в России Ивана Грозного клянут? Герой же национальный ...

– Так у москалей жиди правят, – пояснил Тарас. – А жиди ненавидят Грозного, прижал им хвост. Грозный им, что серпом по брюху... А москали ...дурковатые, продажные... у жидив на побегушках. И тоже костерят Ивана Грозного. Сталин пытался вырезать жидив, так ныне – заклятый враг. А тоже, как Чингисхан, создал Великую Советскую Империю...

Не вслушиваясь в Тарасовы измышления, Баяр усмехнулся:

– У бурят герой – Хитрый Будамшу, любого обманет, у цыган – Данко-вор, любого обворует, а у русских – Иванушка-дурачок... Что может быть доброго у русских, если у них национальный герой – дурак?!

– Он – святой; он последнюю рубаху ближнему отдаст...

– Он – дурак...

Баяр сквозь зубы выцедил полстакана бормотухи, и, воинственно глядя на Елизара, вспомнил былое...

...Теснимые монголами половцы пали на колени перед русскими, их клятыми врагами: простите Христа ради, спасите!.. а кто старое помянет, тому глаз вон. Русские князья решили подсобить половцам и встретить неведомого врага за пределами Земли Русской. Ратоборцы вышли встречь монголам. Ложным отступлением монголы заманили русских и половцев к берегам реки Калки. В июне 1223 года случилась кровавая сеча на Калке. Дружины русских князей бились разрозненно: ох, уж эта удельщина, усобица!.. Увлечлись преследованием отступившей легкой монгольской конницы, и попали под удар их главных сил. Дружины Мстислава Удалого, Даниила Галицкого и Мстислава Черниговского

были разгромлены. Киевские полки Мстислава Старого не вступили в брань, но монголы окружили их и вынудили сдаться.

– На пленных князей монголы положили доски и задушили, пируя на них, – поминал Баяр. – А русских баб и девок...

– Ну, ты, Чингисхан, успокойся! – сурово осадил монгола Елизар, враждебно глядя в его лицо, плоское, словно пустыня Гоби, злое и желтое. – А то я тебе, дружище, устрою Куликово поле, костей не соберешь...

Помянулось: смешное и грешное... Вешней порой, когда коты и кошки, ватажась на чердаке, с воплями и стонами вершили свадьбы, и в студенческой общаге пахло похотью и сиренью, кою архаровцы безбожно ломали, забираясь в частные усадьбы. Даже заморённый буддийской хитромудростью Баяр, в коем, чудилось, текла ленивая степная кровь, и тот ошалел от сладострастной сирени, сплел стих, надеясь лирикой соблазнить русскую деву: «Твои глаза, как пустыня Гоби... Я пошёл танцевать с тобой танго, и ты меня раздавила, как танком...»

Елизар жил с монголом в старой университетской общаге, в одной клетушке-комнатушке, и дружил, поскольку оба сочиняли: Иван – роман Грозном царе, Баяр – стихи, да и вырос Елизар в забайкальском селе, среди бурят, кои монголам – кровная родня. И хотя ночами похаживала к монголу монголка, и парочка, тыкен да ярочка, радела до рассвета, Баяр положил глаз на русскую деваху, и однажды накрыл щедрый стол в ревсомольской комнате, куда и заманил деву, увы, с Елизаровой помощью, – клюнул вечно голодный студент на обильные явства, сомустился, любитель выпить на халяву. Да и Баяр ввел Елизара в заблуждение: мол, влюбилась в него деваху, сохнет на корню...

Выпили архи ...водочка, по-русски... закусили степной бараниной, и монгол завёл знойное танго, и попёр на девушку танком.

Утомленное солнце тихо с морем прощалось,
В этот час ты призналась, что нет любви...

Елизар выпивал, закусывал, искоса поглядывая на танцующую пару, хотя... танцы уже обращались в похабные обжиманцы: Баяр, уткнувшись мутными очками в обильную грудь, – деваху оказалась на голову выше Баяра, – теснил жертву к стене, где гарцевал на белом жеребце потомок Чингис-хана, славный батор Сухэ. Слева от портрета желтела дверь в чулан, где ревсомольцы хранили знамена и портреты вождей для первомайских демонстраций. Елизар мрачнел; запоздалое раскаяние палило душу, словно за бутылку водки продал сестру в басурманский гарем. Брезгливо отодвинув чашку стылой баранины, зло плеснул в глотку полстакана сивухи и мысленно посулил: «Нет, раскосый и скуластый, не дам девку в обиду; не

видать тебе русской девы, как своих ушей...» И уж хотел было подняться из-за стола, но тут и деваха учуяла: палёным пахнет. Попросила ключ ...монгол запер ревсомол... вроде, нужда прижала, и Баяр, уверенный, что покорил сердце русской девы богатыми напитками-наедками, тут же выдал ей ключ. Дева скользнула в дверь, и, неожиданно заперев приятелей на ключ, вернулась часа через два, презрительно кинула ключ в отпахнутый ревсомол, где Баяр под хмельной хохот Елизара рвал и метал, проклиная русское коварство.

Певец пустыни Гоби, с досады хлопнувший стакан архи, привычно куражился: дескать, мы, монголы, полонили жалкую Рязань ...то у него битва на Калке, то на Рязани... уложили русичей, на тела их постелили доски, и пировали, празднуя победу. Хотя и смешно было слушать похвальбу от вырожденца, глаза которого, словно конские шоры, укрывали толстые очки, хотя и бредил пьяный, но Елизара ...худо-бедно единовец, единокровец рязанских ратников... взбесил нахвальщина: «Врешь ты всё, пёс поганый!.. Сроду русских шлемоносцев не стелили под столешню! А что смертным боем били русские богатыри вашего брата-арата, так это верно...» Подрались бы, словно на Поле Куликовом, но монгол во время спохватился, замял ссору; смекнул: чай, не в пустыне Гоби, в русской земле живёт, русские парни мигом рога обломают...

А на другой день после ревсомольской попойки приятели-писатели, заспав брань, мысленно порешив, кто старое помянет, тому – в глаз, бредили о модных в ту пору, туманных мудрецах Ницше и Шопенгауэре, об изящных верлибрах Поля Элюара, об экзистенциализме Альбера Камю, сюрреализме Франца Кафки, о древнеяпонской лирике в стиле хокко и танка, об университетском барде Сокольникове, сочинившем в сей манере: «В Японии выпал снег, и розы подстриглись в монахини...»

Вот и теперь, на берегу рукотворного моря, где гуляли студенты прохладной жизни, у светлого валуна, служившего столешней, монгол, вздыбившись, тут же утихомирился, – шибко уж грозно глядел Елизар, словно вот-вот махнет казачьей шашкой, и басурманская головушка с плеч долой, покатиться в ивняк, заросший густой, сухой травой. Но ...пьяный – худой... Баяр вскоре бросился на Арсалана:

– Бурят – от слова «буриха» — уклоняться. Монголы пошли на Русь, а эхириты, булагаты, хореиды повернулись спиной... уклонились от похода, струсили.

Глаза Арсалана – два бамбуковых лука с незримыми стрелами – хищно сузились:

– Чего ты мелешь?! Бурят... буряд...баряд – от слова «бар» – могучий, тигр...

– Ты, тигр?!

– Я не тигр, я – лев: Арсалан – лев...

– Ты?.. лев?.. – Баяр всмотрелся в Арсалана – пышнотелый, малорослый, с неожиданно крупным, бледно-рыхлым лицом, похожим на маску Будды. – Ты?.. лев? – Баяр засмеялся, потом захохотал, укрыв лицо руками, раскачиваясь на валёжине.

Сдуру засмеялись и приятели, оглядывая льва, и Арсалан усмехнулся:

– Блеете, как бараны... А ты... далжа байһан ада шүдхэр... убуштэй буксэ ...

Хлестко выговорил Арсалан монголу по-бурятски, и пересмешник, толмача в бурятском наречии, мрачно затих,

– А есть хакасская версия: «пыраат», – сверкнул ученостью Елизар. – Под таким именем русским казакам стали известны монголоязычные племена, что жили к востоку от хакасов. А потом уж «пыраат» обратилось в русское «брат». И стали эхириты, булагаты, хонгодоры и хори величаться «буряад». А в русских летописях – братские люди.

– Ага, братья... – ядовито усмехнулся Баяр. – У русских – жида, у монголов – буряты...

Не успел монгол домолвить ересь, как слетел с валёжины, словно пес хвостом смахнул: над тихо шающим костерком мелькнули лакированные башмаки, и бедовая головушка угодила в ивняк. Парни оторопели, диву дались: как тихий и дебелий Арсалан, сидя супротив Тумэнбаяра, резко, незримо жогнул того в лоб. Парни вскочили, зашумели, вытянули бедолагу из кустов, где тот чудом нашарил очки. Арсалан взнялся, изготовился добавить, но меж соперниками встал бугаистый Тарас:

– Успокойся, Арсалан. Прижми хвост... Языком болтай, да рукам воли не давай. И, ты... Чингис-хан!.. охолопись, сполосни лицо...

Когда вернулся мокроволосый и сникший Баяр, Тарас подвел его к Арсалану, и силком сведя их ладони, властно велел:

– Миритесь!..

Елизар добавил ребячью присказку:

– Мирись, мирись, и больше не дерись. А если будешь драться, то я буду кусаться.

– Говорят, в общаге два монгола-журналиста подрались, один другому ухо откусил, – вспомнил Ягор. – Говорят, с голоду...

– Говорят... – усмехнулся Тарас. – Говорят, москали кур доят...

– Давайте, мужики, выпьем чашу мировую, круговую! – Елизар лихо плеснул в ржавые чарки. – В любви и дружбе нам хама угэ, бурят ты или русский, еврей ты аль татарин. В любви несть ни эллина, ни иудея... За дружбу народов!

Други, вспомнив земли отичей и дедичей, вдруг с усладой и отрадой заговорили на родных наречиях.

– Людина без друзів – що дерево без коріння! – возгласил Тарас.

– Сяброўства! – Ягор взметнул стакан.

– Найрямдал! – согласился Баяр.

– Нухэрлэгэ !..Танилтай хүн талын шэнээн, танилгүй хүн адхын шэнээн, – благословил здравицу и Арсалан, остывший, окунувший буйную головушку в закатное море.

– Дружба - як дзеркало: розіб'єш, не складеш, – подхватил Тарас

– Эльбээргэ хайтай булган элэхэгуй, эб нэгэтэ хунууд илагдахагуй, – Арсалан вспомнил любомудрую побаску.

– Еврейский народ породил Христа, а всякий иной народ – бурятский, монгольский, русский – гениев добра, – рассудил Елизар. – А негодяи во всяком народе водятся...

- Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон-хайнтай муутай, – Арсалан опять заговорил по-бурятски, словно, бежав из британского плена, очутившись в двуречьи Уды и Селенги, ошалел от родной речи.

– Я же в русско-бурятском селе вырос, и тамошний поэт Василий Байборodin песню сочинил ... – Елизар запел, помахивая руками в лад мотиву. – «Резвится среди гор голубая Уда. На пастбищах сочных пасутся стада. В цветных полушалках луга и поля. Яравна, Яравна моя! Народ – богатырь в нашем крае живет. Под солнцем свободным он счастье кует. И русский с бурятом одна здесь семья – Яравна, Яравна моя...» Яравна... Кочевали в Яравне тунгусы, потом ...вначале семнадцатого века... казаки пришли, срубили острог Яравнинский, а потом и кочевые буряты явились, но!.. – Елизар неведомо кому погрозил пальцем, – но!.. русские силком не гнали эвенков и бурят под руку белого царя; сами слезно просились, чтобы не вырезали монголы либо маньчжуры...

Елизар почувал, что языком впустую молотил: лишь закатное море и ветерок, шелестящий листвой, согласно внимали словесам; Баяр хвастал Арсалану, что в третий год учения в Белграде говорил на сербском, похлеще сербов; Тарас разливал «столичную», а Ягор, задумчиво пощипывая струны, тихонько тянул:

А я лягу прылягу

Край гасцінца старога
Галавой на пагорак
На высокі курган
А стамлённыя рукі
Вольна ў шыркі раскіну,
А нагамі ў даліну,
Хай накрые туман.
А стамлённыя рукі
Вольна ў шыркі раскіну,
А нагамі ў даліну,
Хай накрые туман.

На песню ...ночные бабочки-метляки на костер... потянулись и купальщицы, словно чаровницы-русалки всплыли из морской пучины, и вдохновенные пареньки суетливо, наперебой манили русалок к тихому костру, каменному столу; но девицы робели, таились в тальниковой тени. В ночных бабочках, хотя и облаченных в платьишки, Елизар признал купальщиц, что сразу за черемушником коптились на жарком солнышке, вялились на морском ветру, и одна из них заушила Ягора, когда тот дал волю баловным рукам.

– Джентльмены, уступите деучатам кресла, – велел Тарас, и трое – Елизар, Арсалан и Баяр – слетели с бревна, на кою дивчины стеснительно сели.

Тихо, чтобы не рушить песнь, Елизар спросил Тараса:

– А как по-украински: «Я тебя люблю?»

– Я тобэ кохаю. А любимая – коханя... А по-белорусски: «Я цябе кахаю»

– А я могу девушке и по-бурятски загнуть, – прихвастнул Елизар. – Би шамда дуртэб...

Арсалан колючи покосился:

– Русские девки всем на шею вешаются. Им до фени, – азер, грузин, армян... А у бурят строго...

Елизар, затаив обиду, ответил:

– У русских тоже было строго... А если любовь?.. Там уж не смотрят: бледнолицый, краснолицый...

– ...Чингачгук-большо-ой змей, – досказал Тарас, подымая чару. – Ну, что, дивчины, может, отведаете?.. – те замахали руками. – Ну, хлопцы, тогда на посошок... А потом – стремянная... Ягор!

Песняр помотал головой и дальше повел грусть-тоску:

Вы шуміце шуміце
Надамною бярозы,
Асыпайце мілуйце
Ціхай ласкай зямлю

Звезды высыпали на темно-синем небе... Арсалан, безмятежно откинувшись на траве, задремал под белорусский мотив, хотя и пробормотал спросонья: «Подыщите мне красивую бурятку...». К плечу его притулился Баяр, очкастый, сухонький ...и в чем душа держится?! черный костюм висит как на плечиках... монгол, посмеиваясь, что-то бормотал на степном наречии: может, привиделась бескрайняя, желтая степь, отара овец, серым облаком плывущая к багровому закату, белая войлочная юрта, сизый дымок костерка, и молоденький чабан с девушкой ...седло к седлу, нога к ноге... рысят к юрте на коренастых, мохноногих монгольских конях; и паренек говорит милой о любви – «...Би та нарт хайртай...» – отчего бугристые девичьи щеки горят стыдливым полымем, а глаза смущенно опускаются тенистыми ресницами.

А я лягу прылягу
Край гасцінца старога
Я здарожыўся трохі
Я хвілінку пасплю.

Елизар слушал, млело глядел на догорающий костерок, озирал черное море, где трепетали и вытягивались цветастые отражения городских огней, и сизым миражом оживали в памяти Елизара сухие забайкальские увалы, за коими синела тайга; виделись родимое село ...зорево позолоченные избяные венцы, пылающие избяные окна... где в братчинных помочах и потешном, балагуристом ладу жили русские — рыбаки да таежники, и буряты — чабаны да охотники, где вешним жаворонком отпела его юная степная страсть к раскосой и скуластой, что в долине целовалась с желтоликим солнцем...